

Крюкова Н.В.

УДК 811.112

ПОНИМАНИЕ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

Актуальность изучения проблем понимания философского текста как лингвистического феномена обусловлена следующими факторами: во-первых, необходимостью проведения герменевтического анализа структуры философской культуры и текста в современных условиях разнообразия философских направлений и школ; во-вторых, изучением проблем философской коммуникации, вызванных тем, что в условиях современной культур существуют различные уровни бытия философии (профессиональный, непрофессиональный), философия взаимодействует с другими видами духовной жизни (наукой, искусством, религией), что нередко порождает ситуации непонимания, невостребованности результатов философского творчества; в-третьих, исследованием специфики философского текста и философского творчества в условиях современного общества, когда все большее значение приобретают информационные технологии; в-четвертых, разработкой системы способов интерпретации философских текстов.

Означенную проблематику мы находим в работах Ф. Шлейермахера, Э. Гуссерля, Г.-Х. Гадамера, Ж. Делеза, Ж. Деррида, К. Ясперса, М. Хайдеггера, Х. Ортеги -и- Гассета, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.С. Библера, М.К. Мамардашвили, В.В. Библихина, разработкой герменевтических проблем занимается ряд авторов: Л.А. Беляева, Е.К. Быстрицкий, Т.Е. Васильева, И.С. Вдовина, А.В. Гулыга, и др.

Начиная с Платона, человечество имеет философию в текстах. Доступ к текстам открыт; их чтение – достаточно сложный процесс. Изучение философии через тексты обостряет проблему понимания, которое является целью прочтения философского текста. Однако понимание достигается не просто, поскольку читающий обязан иметь достаточную философскую компетентность. Трудности понимания философского содержания текстов обусловлены также спецификой языка философии, интеллектуальной традицией, насчитывающей многие столетия. Восприятие философских текстов, созданных современными мыслителями, предполагает обращение к историко- философскому наследию, применение рефлексии и системности мышления. Смысл текста раскрывается, когда читателю удастся в многообразии форм философского языка отыскать специфику, отличающую его от языка науки, искусства, религии и т.д. В структуре философской культуры можно выделить различные уровни (профессиональный, непрофессиональный), исторические формы, виды. Философская культура существует в едином пространстве с другими видами духовной жизни: наукой, искусством, религией и т.д. Данные виды, уровни, формы культуры относительно замкнуты, что нередко порождает ситуацию чуждости и непонимания. Сложности понимания философских текстов возникают не только со стороны представителей других профессий, но и у самих философов. Условия понимания текстов включают, прежде всего, систему языка философии, который, несмотря на многообразие форм, воплощается в определенном смысловом единстве, отличающем его от языка науки, искусства, религии и т.д. Предпонимание философских текстов основывается на постижении определенной традиции, предполагает овладение философскими знаниями. Таким образом, постижение смыслов философских текстов обусловлено социально-историческим контекстом. Этот контекст формируется под влиянием разнообразных факторов, которые определяют логику прочтения, письма, перевода философских текстов и воплощаются в системе философской культуры. Как отмечают многие исследователи, текст - это одно из самых сложных и трудно определяемых понятий гуманитарного знания. Изучение специфики текстов чаще всего осуществляется на основе литературных, публицистических, исторических текстов. По сравнению с ними особенностям философских текстов уделяется значительно меньше внимания. Вероятно, это связано с тем, что философское творчество ассоциируется с созданием идей, а не текстов. На протяжении многих веков особенности философских текстов рассматривались в контексте изучения специфики философского творчества. Древнегреческие ораторы считали, что любой текст необходимо ставить в контекст, который обуславливает смысл сказанного. У Платона понимание близко к искусству предсказания: здесь пророк выступает как толкователь специфического сверхразумного смысла. Аристотель в работе «Об истолковании» рассуждал о проблеме истинности суждений и высказываний. [1] Такие рассуждения могут считаться примером ранней герменевтики.

Представители средневековой герменевтики (Филон, Ориген, Кассиан, Августин, Фома Аквинский) занимались методами истолкования смысла библейских текстов. В эпоху Ф. Шлейермахера, герменевтика пережила второе рождение со времен античности, возникнув из сплава библейской экзегезы, классической филологии и юриспруденции. Ф. Шлейермахер закладывает основы теории интерпретации как искусства понимания устной и письменной речи другого. Он уделяет особое внимание средствам выражения, в чем, с его точки зрения, воплощаются индивидуально-стилистические манеры произведения. Постигание смысла высказывания увязывается им с практическим правилом герменевтики, предполагающим восхождение от частей к целому и от целого затем к частям. Для Шлейермахера центральным аспектом понимания становится идентификация исследователя текста с индивидуальным, уникальным содержанием духа («индивидуальностью»), содержащегося за текстом. С его точки зрения, герменевтика имеет дело, прежде всего, не с текстом самим по себе, а с творческим духом, воплощенном

в тексте. Поэтому Шлейермахер подчеркивал, что герменевтика как интерпретация должна идти от текста к автору и его жизненному пути. Здесь основная проблема понимания связана с пространственной и временной дистанцией, разделяющей исследователя и объект понимания. Герменевтика может способствовать преодолению этой исторической дистанции. Благодаря этому лучшее понимание текста дает нам лучшее постижение фундаментальных проблем эпохи. [9]

В европейской герменевтике XIX-XX в.в. на первый план выходит проблема постижения авторского замысла в контексте исторической традиции. В последующий период во второй половине XX века большую актуальность приобретает задача изучения специфики философской коммуникации, которая реализована в трудах Э. Гуссерля, Г.-Х. Гадамера, Ж. Делеза, Ж. Деррида, К. Ясперса, М. Хайдеггера, Э. Мунье, М. Шлика, Г. Маркузе, Ю. Хабермаса, В. Хесле, П. Рикера.

По Гуссерлю [4], сознание имеет дело со смыслами, содержание которых предполагается прозрачным для понимающего «я». Гуссерль активно использует термин смыслопорождение. Смыслопорождение, или смыслоформирование, квалифицируется как реализация смысла человеческой жизни и деятельности в конкретных ситуациях и событиях, личностных актах или межличностных отношениях. Процесс понимания у него оказывается обращенным вспять потоком вопрошания.

М. Хайдеггер [8] ставит задачу доведения феноменологии до бытийных оснований. Если феноменология обсуждала вопрос о смысле в когнитивном, перцептивном измерении, то М. Хайдеггер говорит об онтологическом статусе смысла: мир имеет смысл, а язык – дом бытия.

Х.-Г. Гадамер [3] разработал концепцию философской герменевтики как философию понимания. Под пониманием он rozumeeт универсальный способ освоения мира, в котором существенную роль играет непосредственное переживание («опыт жизни»), различные формы практики («опыт истории») и формы эстетического переживания («опыт искусства»). Словом, основанием для понимания является опыт, который формируется в языке. Герменевтический опыт имеет дело с преданием. Текст – это переданное смыслосодержание культурной традиции. Его постижение выступает в форме самоосмысления индивида в обществе. Постулируя генетическую укорененность человека в традиции, Гадамер рассматривает понимание в тесной связи с интерпретацией и применением. Герменевтический круг носит у Гадамера онтологический характер, что делает интерпретацию принципиально незавершенной для опыта последующих поколений.

В современной философии проявляется интерес к исследованию истории герменевтических учений, в развитии которой прослеживается преемственность идей. Разработкой герменевтических проблем занимается ряд авторов: Л.А. Беляева, Е.К. Быстрицкий, Т.Е. Васильева, И.С. Вдовина, А.В. Гульга, и др. Проблема коммуникативной направленности философского творчества большое значение приобрела в русской философии "серебряного века" в работах В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева, Л. Шестова, С.Л. Франка и т.д. Изучение этой проблемы опирается на труды Х. Ортеги-и-Гассета, А.Ф. Лосева, М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана и др. В них акцентируется внимание на факторах, определяющих специфику мышления автора, выбор жанра, формирование стиля произведения.

Большой вклад в разработку проблемы исследования специфики философского текста в современной философии внесли Н.С. Автономова, В.С. Библер, М.К. Мамардашвили, В.В. Библихин, И.С. Нарский. Методологической базой их исследований выступают идеи, получившие разработку в таких направлениях современной философии как, феноменология, герменевтика, экзистенциализм, структурализм и т.д.

Современная зарубежная и отечественная герменевтическая традиция исходит из того положения, что интерпретатор способен понять автора лучше, чем он сам себя понимал. Понимать нечто в таком случае - значит испытывать собственное мнение о мнении другого. Интерпретатор вкладывает новые смыслы в старый текст. Проблема понимания текста здесь трактуется как проблема создания смысла или смыслотворчества. Обращение к этому вопросу можно найти у Н. Бердяева, Г. Шпета, С.Л. Франка, М.М. Бахтина, С.Л. Выготского, Ю.М. Лотмана, П.М. Хакуза.

В истории философии проблема механизма понимания философского текста решалась по-разному: в античное время понимание отождествлялось с истолкованием, в XIX веке понимание означало умение воспроизвести авторский смысл текста, в XX веке понимание было равносильно созданию нового смысла. Поскольку философский текст имеет свои особенности (вариативность, многогранность, незавершенность и т.д.), его понимание есть творение читателем собственного смысла.

Особенности смысла (недоступность для прямого наблюдения, подвижность, изменчивость, невозможность полной рефлексии и т.д.) делают его поиск бесконечным процессом: смысл каждый раз приходится открывать заново, в противном случае смысла нет.

Понимание всегда есть понимание смысла: понимание – средство получения смысла, смысл – содержание понимания.

Смыслотворчество в процессе прочтения философского текста осуществляется через следующие механизмы: эффекты сопереживания, исходной противоречивости; эффект чтения во времени; самовопрошание; метафора.

Исследование проблемы понимания на основе философских текстов имеет давнюю традицию и сохраняет свою актуальность до сегодняшнего дня. Изучение философии через тексты обостряет проблему понимания. Философский текст можно рассматривать как результат философской деятельности, связанной

ПОНИМАНИЕ ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА КАК ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА

с воспроизводством системы философских категорий. При восприятии философского текста важно выяснить причины возникновения, предусловия и предпосылки, которые приводят к становлению текста. В этом случае текст является неким подвижным, текучим образованием, имеющим символическую природу.

Профессиональное чтение философского текста предполагает умение не просто читать текст, а читать, восстанавливая именно ту живую сторону мысли, из-за которой они создавались. Понимание текста предполагает у читателя знание того, что стоит за ними и что в них сосредоточено, так как сами эти понятия не являются буквальными, а носят символический характер.

Текст проявляется в интерпретации; он является и фазой, и коммуникативным партнером в интерпретации. Можно сказать, что каждый вид герменевтической интерпретации, раскрывает познавательное содержание какой-то определенной герменевтической категории. Психологическая интерпретация раскрывает познавательное содержание категории переживания; языковая интерпретация - категория предпонимания; историческая интерпретация - категория «герменевтического круга»; интерпретация стилистическая - категория цели. Однако эта связь не однозначная, а лишь преимущественная, поскольку каждая интерпретация, так или иначе, апеллирует ко всей системе герменевтических категорий и принципов.

К специфике философского текста можно отнести следующие моменты. Во-первых, неотъемлемым и основным свойством философского текста является его информативность, наличие в нем некоторого смысла. Но это не означает, что информативность, т. е. осмысленность, признается свойством, эквивалентным языковому характеру текста. Зачастую в философском тексте заложен не тот смысл, который усматривается на первый взгляд. Философский текст нужно читать между строк, пытаясь найти то, чего нет в словах. Во-вторых, философский текст вариативен, многогранен, незавершен, и это способствует порождению всевозможных смыслов. Любой философский текст решает некую философскую проблему, если мы увидели проблему, значит поняли текст.

Философская проблема реконструируется на основе изучения текста. Но это составляет определенную трудность: понятные для одного человека философские проблемы могут быть не так очевидны для другого. Поэтому решаемая философским текстом проблема может быть воссоздана, реконструирована работой собственного мышления читателя.

В идеях мыслителей античной и средневековой философии были созданы основные предпосылки для возникновения научной проблематики «смысла», как соотношения объективных и субъективных категорий сущего. Итак, смысл – это мысль, содержащаяся в словах, идея, сущность предмета. Именно смысл программирует отбор и распределение языковых единиц и тем самым задает ту или иную форму предложения.

Согласно основному положению контекстуальной теории, каждое слово имеет смысл только в контексте, в связи с целым, а вне этой связи оно никакого смысла не имеет. В соответствии с этим истолкование заключается в установлении связи слова с целым, с контекстом. Контекстуальную теорию смысла разделяли и многие лингвисты, например, А.А. Потебня. Он полагал, что вырванное из связи слово не функционирует, не обнаруживает ни своих лексических, ни формальных свойств. [6]

Р.И. Павиленис утверждает, что смысл помещается в экстралингвистическую сферу, сферу так называемых концептуальных систем, формирующихся в сознании носителей языка, считается, что так называемая «лингвистическая семантика» к нему отношения не имеет [5]. Под концептуальными системами он понимает системы информации, включающие знания и мнения о действительном и возможном положении дел в мире, аккумулирующие знания людей, приобретаемые в результате отражения ими окружающего мира.

Большой интерес при исследовании смысла представляют мысли Л.С. Выготского о единицах речи и мышления [2]. Л.С. Выготский стремился вычленив в речи не просто элементы, а единицы, т.е. такие элементы, которые сохраняют свойства целого и которые являются далее не разложимыми частями этого единства. Надо полагать, что значение слова есть речь и мышление в одно и тоже время, потому что оно есть единица речевого мышления. Если это так, то, очевидно, что метод исследования интересующей нас проблемы не может быть иным, чем метод семантического анализа, метод анализа смысловой стороны речи, метод изучения словесного значения.

На основании вышеизложенного, можно выделить следующие особенности смысла:

- недоступность смысла в прямом наблюдении;
- подвижность, трудноуловимость, изменчивость смысла;
- актуальность смысла, его ситуативность и субъективность;
- неполная эксплицируемость смысла, т.е. недоступность полному восприятию;
- концептуальность смысла, его включенность в общечеловеческую систему знаний и возможность существования над языками.

Из историко-философского анализа проблемы смысла, прежде всего, следует отметить высокую степень идентичности некоторых характеристик смысла, что должно свидетельствовать об их существенности, значимости для определения данного понятия. Но эта идентичность, к сожалению, распространяется не на все рассмотренные нами случаи: в логико-философских работах общими являются одни характеристики, в лингвистических - другие. С большой натяжкой общей точкой пересечения можно

считать то, что смысл соотносится с информацией, знанием. Но для логико-философского подхода характерно соотносить эту информацию с концептуальными системами, структурами знаний, социальным и индивидуальным опытом индивида, являющегося активным субъектом познания. Лингвистический подход в явном или неявном виде базируется на представлении о том, что эта информация (смысл) непосредственно содержится в высказывании, в тексте, а потому постижение смысла представляется чем-то похожим на вычисление, выведение его в результате выполнения каких-то операций. Наиболее общими определениями смысла, выделяемыми в рамках лингвистического подхода, является его ситуативная обусловленность, изменчивость и вариативность. Все эти определения выводятся из ситуации как внутриязыковых, так и межъязыковых синонимических преобразований, перефразирования, различного рода трансформаций. Но все это является лишь способами обнаружения факта существования смысла, фиксации момента перехода на смысловой код, но не касается непосредственно самого смысла, его сущности. В отличие от этого логико-философский подход, соотнося смысл со сферой мышления, сознания человека, с определенными единицами этой сферы представлениями, концептами, системой понятий, определенными эмоциональными состояниями человека, делает попытки исследовать смысл на субстанциональном уровне.

Отдельной проблемой является понимание иноязычных текстов, поскольку этот процесс непосредственно связан с переводом.

В исследованиях проблем перевода уже давно учитывается принципиальное различие между прагматическим и художественным переводом, хотя это различие истолковывалось большей частью так, будто прагматический перевод вызывает меньше проблем и потому не требует специальных исследований, тогда как теория литературно-художественного перевода разрабатывалась, совершенствовалась и интенсивно обсуждалась. Сама дифференциация безусловно правомерна, и является, в основном, общепринятой. Так, например, В. Зюскинд считает, что, в отличие от прагматического переводчика, которого он именует "специальным переводчиком", литературный переводчик должен обладать писательским талантом [10]. С этим можно безоговорочно согласиться, поскольку в прагматических текстах язык в первую очередь является средством коммуникации, средством передачи информации, тогда как в текстах художественной прозы или поэзии, кроме того, служит средством художественного воплощения, носителем эстетической значимости произведения [10].

Согласно классификации, предложенной К. Райс, существуют три вида текста в зависимости от преобладания той или иной функции языка в конкретном тексте: по описательной функции языка - тексты, ориентированные на содержание; по выразительной функции языка - тексты, ориентированные на форму; по функции обращения - тексты, ориентированные на обращение [7]. При этом под текстами, ориентированными на содержание, следует понимать такие, основная задача которых состоит в передаче содержания, информации. Тексты, ориентированные на форму, также передают содержание, но в них доминирующим компонентом является языковая форма.

Попытки классифицировать встречающиеся в практике многообразие текстов в рамках четырех типов текстов должны исходить из того, что каждый тип текстов в зависимости от роли вышеизложенных главных признаков сам может подразделяться на значительное число видов текстов. В то время как тип текста в значительной мере определяет выбор метода и степень важности того, что подлежит сохранению при переводе, вид текста определяет, какие внутриязыковые закономерности должны прежде всего учитываться переводчиком.

В текстах, ориентированных на содержание, важна прежде всего приемлемость формы для выражения данного содержания, ее способность оказывать необходимое воздействие. Такой текст анализируется в плане формальных отношений, задаваемых семантикой, грамматикой и стилистикой, и с учетом их переводится на другой язык. Относительно всех этих видов текстов, ориентированных на содержание, можно сказать, что здесь важно в первую очередь ориентироваться на передачу информативного содержания.

Текст, ориентированный на содержание, требует при переводе обеспечения инвариантности на уровне плана содержания. При оценке переводчику следует в первую очередь убедиться в том, удалось ли передать полностью содержание и информацию в тексте перевода. Из этого важнейшего требования следует, что языковое оформление перевода должно безоговорочно соответствовать законам языка перевода, иными словами, языковое оформление перевода ориентировано в первую очередь на язык перевода.

Однозначная ориентированность на язык перевода является вторым критерием оценки текстов этого типа. Язык перевода доминирует, поскольку важнейшим здесь является информационное содержание, и читатель должен получить его в переводе в привычной языковой форме.

Отмечая отдельно сложность восприятия иноязычных философских текстов на русском языке, необходимо подчеркнуть, что множество проблем при восприятии текста возникает именно по причине сложной воспроизводимости языковых единиц на языке перевода. Часто это обусловлено фактом индивидуального стиля автора и национально-культурной спецификой философской среды. Деятельность переводчика опирается на личный опыт переводчика и эмоциональное восприятие им текста-оригинала. Переводчик должен не только осмыслить текст, но и воспринять его образное и эмоциональное

воздействие. Отсюда и возникают проблемы при восприятии текста читателем. Рецепция текста не может быть одинаковой у различных индивидов, каждый реципиент обладает неповторимой индивидуальностью. Трудности, возникающие при восприятии иноязычного философского текста на русском языке, обусловлены наложением этой самой индивидуальности личности переводчика на воспроизведенный им индивидуальный текст мыслителя.

Литература

1. Аристотель Об истолковании / Аристотель // Сочинения в 4 тт., т. 2. – М.: Мысль. –1978 – 117 с.
2. Выготский Л.С. Мышление и речь. / Л.С. Выготский // Собрание сочинений. Т.2. – М.: Педагогика. – 1982. – С.4-89.
3. Гадамер Х.Г. Истина и метод./ Х.-Г. Гадамер. – М.,1994 – 125 с.
4. Гуссерль Э. Феноменология. / Э. Гуссерль // Логос.– №1. – 1991. – с. 12-21.
5. Павиленис Р.И. Понимание речи и философия языка./ Р.И. Павиленис // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып.ХУП. – М.: Прогресс, 1986. – С. 56-68.
6. Потебня А.А. Мысль и язык // А.А. Потебня // Слово и миф. — М.: Правда, 1989. – С. 45-69.
7. Райс К.Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике.– М., 1978. – С. 202-228.
8. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии (пер. с немецкого А. Г. Чернякова / М.Хайдеггер. – СПб: Высшая религиозно-философская школа, 2001. – 215 с.
9. Schleiermacher Fr. Hermeneutik und Wissenschaften. / Fr. Schleiermacher. - Fr. a. M., 1978. - 105 S.
10. Süßkind W. Die Erfahrungen eines literarischenÜbersetzers. / W. Süßkind.– LES, № 3, 1959. – S. 81-92.

Кухар В.В.

УДК.316.34:355.2.001

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ

Постановка проблемы. Несмотря на значительное освещение в литературе проблем элиты, до настоящего времени не поставлена главная проблема по данной теме – формирование интеллектуальной элиты. Она остается самой актуальной проблемой, наиболее значимой и центральной среди других ее контекстуальных проблем. Автор концептуально излагает свою точку зрения на формирование интеллектуальной элиты.

Основное содержание статьи. *Формирование интеллектуальной элиты, способной организовать и осуществить трансформацию общества в соответствии с Вызовами времени – проблема сегодня новая.* Она вытекает из общих проблем формирования элит и эволюции представлений о них. В конце XIX века была сформулирована концепция правящего класса как субъекта политического процесса *элитологии* (учения или так называемой теории элит).

Исходный пункт концепции - деление общества на господствующее меньшинство и политически зависимое большинство (массу). *Господство элит — закон общественной жизни.* Наличие правящих слоев становится очевидным даже при самом поверхностном взгляде. В любой общественной системе есть власть имущие и есть безвластные. Во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизации и кончая современными обществами, всегда взаимодействуют [или противодействуют] два социальных класса — класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть, в то время как другой, более многочисленный, управляется и контролируется первым [1].

Причем таким способом, который обеспечивает функционирование политического организма. В реальной жизни все признают существование такого класса. Но поскольку управление обществом всегда находится в руках немногочисленных влиятельных людей, то тогда ставится под сомнение существование демократии, которую Моска (один из авторов теории элит) называет камуфляжем власти меньшинства и плутократией.

Для утверждения в обществе материального и морального превосходства власть имущих, а также военной доблести, которая, по мнению Моски, особую роль играла на ранних стадиях развития общества, а сейчас такой роли не играет, хотя и имеет немаловажное значение. В обществах, отличающихся высоким уровнем цивилизации, особую значимость приобретает интеллектуальное превосходство управленческого меньшинства и богатство.

Доминирующей чертой правящего класса стало в большей степени богатство. В обществе, достигшем определенной стадии зрелости, где личная власть сдерживается властью общественной, власть имущие, как правило, богаче, а быть богатым — значит быть могущественным. Для отнесения тех или иных людей к элите В. Парето предлагается статистический метод с начислением каждому социальному